

Л. Н. Белл

ГОРЕНИЕ*

Интересные люди обычно замечательны во многих отношениях. Тем не менее часто можно выделить какую-нибудь одну черту, которая особо впечатляет. На меня, бывшего аспиранта Владимира Иосифовича (в середине 40-х годов), пожалуй, наибольшее впечатление производило его постоянное «горение». Казалось, что внутри В. И. непрерывно действует мощный источник энергии. Трудно было понять, откуда берется эта энергия. Позже, когда я стал заниматься вопросами биоэнергетики, я иногда задумывался: получился бы правильный результат в классическом опыте по сравнению калорийности принимаемой пищи с энергией, вырабатываемой организмом? Ведь В. И. ел очень мало, и трудно было поверить, что этой пищи хватало для той гигантской деятельности, которую В. И. развивал. Впрочем, если вспомнить слова Бенджамена Франклина о том, что «человек жив не тем, что он ест, а тем, что он переваривает», то возможно, что парадокс объясняется просто тем, что КПД у В. И. был сверхвысоким.

Владимир Иосифович не только сам много работал, но умел и других увлечь. В данном случае рецепт был простой — невозможно было бездействовать, находясь в компании такого деятельного человека.

Организация первой Памирской экспедиции по исследованию космических лучей — хороший пример этой неистощимой энергии. Война не окончена, ФИАН только начинает становиться на ноги после эвакуации, а тут замышляется организация экспедиции в неизвестные края. Я как-то не удержался и спросил Владимира Иосифовича, так ли актуальны исследования космических лучей, чтобы затратить в тех тяжелых условиях столько энергии и средств. Ответ, который последовал, был характерен для В. И. и лишней раз показал, что он думает не только о сегодняшнем дне, но всегда и о будущем. Он сказал, что нам нужно иметь сплошной фронт в науке, что в любой момент могут потребоваться специалисты в самых различных областях. Нет нужды доказывать, насколько эти слова оправдались в отношении исследования космических лучей.

Неожиданно (во всяком случае, для меня) оказалось, что В. И. наряду с космическими лучами работает в совершенно другой области.

*Воспоминания о В. И. Векслере. М., 1987. С. 65–68.

Это я узнал в одно прекрасное весеннее утро 1944 г. В. И. буквально вбежал в лабораторию, сбрасывая с себя пальто, и возбужденным голосом, не обращаясь к кому-либо конкретно, объявил, что у него есть ИДЕЯ. И тут же кому-то начал рассказывать, в чем она заключается. Сколько труда стоило В. И. убедить других в важности его идеи! Даже я, не имевший отношения (и, признаюсь, интереса) к ускорителям, должен был в тот же вечер, возвращаясь домой с В. И., услышать, в чем суть дела. Помню, мы шли около бывшего театра кукол на пл. Маяковского. В. И. остановился, лихорадочно открыл портфель, быстрым движением оторвал кусок газеты и, написав формулу для периода обращения частицы в циклотроне, показал, что при каждом обороте время меняется на одну и ту же величину. И посмотрев на меня торжествующе, спросил, понимаю ли я теперь, как можно бороться с осложнениями, обусловленными возрастанием массы частиц.

Это, конечно, было только начало, и, как большинство людей, я не понял, что присутствую при революции в ускорительной технике. В. И., видимо, сразу понял значение его идеи и тех выводов, которые логически следовали из нее. Но убедить других было не так просто (как всегда, каждый занят своим делом). Один из первых, кто четко понял инженерные преимущества новых типов ускорителей, был на моей памяти П. Л. Капица, что было ясно из его выступления после доклада, сделанного В. И. на семинаре в его институте.

Мало, наверное, найдется людей, которые взяли бы, подобно Владимиру Иосифовичу, осуществить на практике такую трудную для реализации идею, имея сначала всего одного помощника. И как правильно сказал на похоронах В. И. бывший в то время президентом Академии наук М. В. Келдыш: В. И. не принадлежал к той когорте ученых, которые, дав идею, предоставляют другим испытывать все трудности ее осуществления.

Неистощимая энергия В. И. не признавала никаких преград. Нужен магнит для будущего ускорителя? Где-нибудь найдем. И вот в один прекрасный день весь мужской состав лаборатории атомного ядра ФИАНа (из не имеющих докторских степеней) погружается в грузовик, едет куда-то и прибывает в какое-то учреждение. В конце концов нам вынесли громадное ярмо бывшего трансформатора, которое мы дружно погружаем и везем обратно к себе. Вот таким способом преодолевалось несчетное количество препятствий. Результат известен — модель ускорителя была построена и заработала. Надо учесть, что в те же годы В. И. был занят организацией исследований космических лучей на Памире, также потребовавшей от него много сил.

Первая экспедиция на Памир (1944 г.) была особенно трудной в организационном отношении. Владимиру Иосифовичу приходилось обращаться в самые невероятные инстанции. Никогда не забуду мое удивление, увидев его в светлой сорочке с галстуком. Несколько виновато он объяснил, что пришлось сходить в какое-то министерство, а «без галстука неудобно». С тех пор я твердо усвоил, что если уж Векслер надел галстук, идя в министерство, то только так можно являться в подобные учреждения.

Хлопоты Владимира Иосифовича и Николая Алексеевича Добротина по организации экспедиции кончились только в конце лета, и 4 сентября все 12 членов первой Памирской экспедиции по изучению космических лучей отправились в путь.

В тот год на Памире мы работали даже не в фанерных домиках, как это было уже в следующем году, но в палатках, которые отапливались керосинками. Вряд ли надо объяснять, что в ноябре и декабре на высоте 3860 м не очень-то тепло. Кстати, все члены экспедиции были обеспечены теплыми ватными куртками, штанами и валенками и не страдали, насколько мне известно, от холода. Все это особенно пригодилось на обратной дороге, когда караван наших машин застрял на сутки в Алайской долине из-за снежных заносов. Хотя никто не хныкал, но думаю, что инциденты такого рода стоили В. И. немало нервной энергии.

Энергичность и энтузиазм В. И. имели и свою теневую сторону. Бывало, вбегает он в лабораторию, отводит меня в сторону и предлагает поставить такой-то опыт, причем не откладывая в долгий ящик. Ну что же, можно и сделать. На следующий день с той же скоростью вбегает в лабораторию и с порога объявляет, что «все сказанное вчера — ерунда» (любимое слово) и надо так и так сделать. На следующий день могла последовать отмена предыдущего плана и т. д. Справедливости ради надо отметить, что такая лабильность планов происходила обычно в начале какой-нибудь работы. В конце концов нащупывался верный вариант и можно было спокойно работать.

Большая занятость приводила к тому, что (на мой взгляд) относительно мало времени уделялось аспирантам, каковых в то время у В. И. было два. У меня создалось впечатление, что В. И. интересовали исключительно корректность проведения опыта и надежность результатов. Мы почти не обсуждали значение и место нашей работы в более широком аспекте, возможные варианты интерпретации результатов, перспективы дальнейшей работы, в общем, все то, что можно назвать стратегией нашей работы. Думаю, В. И. считал, что экспериментатор должен выдать «на-гора» доброкачественную продукцию, а уж там хватит любителей обсчитать результаты и построить соответствующую те-

орию. По-моему, именно так обстояло дело, во всяком случае, в то время.

Еще одним следствием энергичного характера В. И. было его отращение ко всякого рода бюрократии. Иногда становилось чуть ли не страшно от его прямоты. Небольшой пример: зовут В. И. на какое-то достаточно важное (в масштабе института) собрание, а мы в это время обсуждаем нашу работу. Он мог (по-видимому, полуавтоматически, не отдавая себе полного отчета в том, что он делает) довольно грубо отчитать пришедшего за то, что он мешает ему работать. Кстати, В. И. довольно часто использовал фразы, которые вполне печатны, но не очень часто встречаются в академической среде. Обычно эти слова относились к никчемным, по его мнению, людям или к недоброкачественным вещам или действиям. Надо признаться, что в устах В. И. все это звучало не очень грубо и даже по-своему мило.

Несмотря на свою большую занятость, В. И. не забывал о чисто житейской стороне нашей жизни. Вообще это был добрый и демократичный человек. Для него служебный ранг человека еще не был свидетельством его высоких человеческих качеств. По мере своих сил и возможностей он старался помочь людям. Никогда не забуду, как он торжествовал, как-то даже по-детски, когда сообщил, что «выбил» для меня литер Б (продуктовая карточка с несколько лучшим снабжением), что было очень кстати, поскольку я был женат и имел маленького ребенка.

За почти 40 лет работы в Академии наук я встречался со многими замечательными людьми. Среди них Владимир Иосифович Векслер выделялся своим неистощимым запасом энергии и энтузиазма.